НИКОЛАС ХАЛИФА

ПРИЧИНА БЕЖАТЬ

18+

Николас Халифа

Причина бежать

«Автор»

2025

Халифа Н.

Причина бежать / Н. Халифа — «Автор», 2025

Алексей — обычный бухгалтер в крупном банке, чья жизнь представляет собой серую рутину, лишенную смысла. Однажды в его почтовом ящике появляется анонимное письмо с единственным предупреждением: «Беги». С этого момента привычный мир начинает рушиться. Город, люди, сама реальность становятся враждебными и чужими. В поисках ответов Алексей сталкивается с «Красным Кругом» — тайной организацией, столетиями управляющей обществом из тени. Расследование приводит его к шокирующему открытию: его собственная жизнь, его разочарования и даже предательство лучшего друга — всё было частью грандиозного плана. Чтобы выжить и докопаться до правды, тихому бухгалтеру придется стать тем, кем он никогда не хотел быть. Он нарушит закон, похитит человека и возьмет в руки оружие. Но самое страшное испытание ждет его в финале, где правда окажется горше любой лжи, а за предложение свободы придется заплатить самую высокую цену — свою душу.

© Халифа Н., 2025
© Автор, 2025

Николас Халифа
Причина бежать

Глава 1

– Как же я устал от этого всего. – завязывая галстук на воротнике рубашки тяготимым голосом произнес мужчина средних лет.

Снова работа, снова он встал в гребанные шесть утра, чтобы помыться, погладить вещи и успеть на работу. Работать в бухгалтерии банка очень тяжело. Столько информации нужно в день обрабатывать, а зарплата объективно низкая за такой объем выполненной работы. Алексею уже знатно наскучила противная рутина, от которой его уже воротит. Не высыпаться каждый день, всего один выходной, адские условия – он словно в колонии строго режима. А когда-то он хотел стать поваром, даже на курсы ходил, но его родители решили воплотить из него то, чего сами не смогли добиться.

Однажды, возвращаясь с работы домой, он решил проверить почтовый ящик, открыв крышку он увидел странное, из необычной бумаги письмо, которое решился открыть только в домашних условиях. Изначально он боялся открывать и в целом брать в руки, так как неизвестно, что может быть в конверте из бумаги кофейного цвета.

Зайдя домой и поставив чайник на плиту, он медленно, опустившись на стул за столом, открыл этот конверт, где была одна единственная фраза:

«Они уже рядом. Беги. Еще не поздно.»

Глава 2

Выход из подъезда был похож на рождение в новый, враждебный мир. Воздух, еще вчера нейтральный, сегодня был густым и тягучим, словно сироп. Алексей шагнул в него, и город обрушился на него всей своей свинцовой массой.

Он всегда шел на работу одной и той же дорогой – пятьсот семьдесят три шага до станции. Сегодня он попытался их сосчитать, чтобы уцепиться за что-то знакомое, но сбился на сороковом. Город изменился. Не физически – та же потрескавшаяся брусчатка, те же почерневшие от вековой копоти фасады, те же асимметричные окна, слепящие утренним солнцем. Изменилась его субстанция. Пространство между зданиями, воздух в промежутках, сама материя реальности будто натянулась, истончилась и грозила порваться, обнажив что-то ужасное, что пряталось за ней.

Люди. Их было много, они неслись по тротуарам, как муравьи, потревоженные в куче. Но сегодня Алексей видел их иначе. Они не шли – их двигали. Их руки и ноги совершали привычные, выверенные движения с безжизненной точностью заводных кукол. Плечи были подняты, подбородки прижаты к груди, взгляды уставлены в землю у своих ног или в экраны смартфонов – эти цифровые костыли, помогавшие не видеть мира. Безликие. Именно это слово вертелось у него в голове. Не в смысле отсутствия черт – носы, рты, глаза были на месте. Но в них не было искры, не было внутреннего импульса. Они были марионетками, и нити от них уходили вверх, в серое небо, в кабинеты Системы.

«Это письмо, – пытался он успокоить себя, шагая по знакомой, но внезапно чужой мостовой. – Оно всколыхнуло всё. Это просто паранойя». Но рациональные довисы тонули в кислоте поднимающегося страха. Он ловил на себе взгляды. Короткий, скользящий взгляд женщины в бежевом плаще; пристальный, оценивающий взгляд мужчины, читавшего газету на скамейке; мимолетный взгляд юноши из окна проезжающего трамвая. Были ли это взгляды обычного

городского безразличия? Или в них была цель? В них было узнавание? Он пытался встретить их глазами, но они тут же ускользали, обращались в ничто, оставляя его в мучительной неопределенности. Может, он сам теперь видит сквозь кулисы? Или его банально преследуют?

В витрине магазина он увидел свое отражение – бледное лицо, испуганные глаза, впалые щеки. Он выглядел как загнанный зверь в стаде послушных овец. И это отличие пугало его больше всего.

И тут, как спасательный круг, брошенный из другого времени, к нему пришло воспоминание. Острое, до боли яркое.

Ему двенадцать. Он стоит на табуретке на их маленькой кухне. Воздух густой и вкусный – пахнет луком, морковью и лавровым листом. Он помешивает деревянной ложкой в большом кастрюле свой первый «серьезный» суп. Он срисовывал рецепт из маминой поваренной книги, чувствуя себя алхимиком. Каждое движение – нарезка, обжарка, закладка – было наполнено магией претворения. Он не просто готовил. Он творил. В его голове рождались вкусы, комбинации, он мечтал стать поваром, волшебником, способным дарить людям не просто еду, а мгновения счастья.

*Дверь открывается. Приходят родители. Усталые. Отец снимает китель, вешает его на спинку стула с церемонной медлительностью. Мама подходит к плите.

– Что это?

– Суп, – с гордостью говорит Алексей. – По-деревенски.

Мама пробует. Молча. Потом кладет ложку.

– Пересолено. И морковь подгорела.

Его мир, такой красочный и пахнущий специями, рушится в одно мгновение.

За ужином отец говорит, не глядя на него, обращаясь к тарелке: «Готовить – не мужская профессия. Это баловство. Тебе нужна надежная профессия. Инженер. Экономист. Что-то серьезное. Чтобы был стабильный доход, уважение. Нечего по кухням шляться».

Он не спорил. Он видел в их глазах не злость, а страх. Глубокий, выеденный в кости страх перед системой, которая не прощает ошибок, не принимает ничего «ненадежного». Они ломали его мечту не из жестокости. Они спасали его. Так, как умели. Так, как их когда-то спасали их родители. Это было его первое, самое яркое столкновение с машиной, которая не любила индивидуальность. Машиной, которая предпочитала винтики.*

И вот он, двадцать лет спустя, один из этих винтиков, идет на ненавистную работу, а в кармане положенный листок, который, возможно, является ключом от двери обратно. К тому мальчику на табуретке. Или вперед, в пропасть.

Он дошел до станции. Поток людей, безликих и механических, поглотил его, понес к зияющему входу в метро. Он обернулся, на мгновение застыв на пороге подземки. Город тяготел над ним, давящий и безразличный. Где-то там был «Красный Круг». Где-то там – те, кто следил. А он был между ними. И шестисотый шаг, который он сделал, спускаясь вниз, по ощущению был первым шагом в бездну.

Глава 3

Несколько дней тянулись, как густой, бесцветный сироп. Никаких новых писем. Никаких зловещих взглядов незнакомцев. Давящий ужас того утра понемногу рассеялся, превратившись в смутный, фоновый шум, который Алексей учился игнорировать. Он почти убедил себя, что все это было плодом усталости, накопленного стресса, игрой разгоряченного воображения.

Банк «Кредиал-Сити» поглотил его, как всегда, в свои стальные объятия.

Девятый этаж. Отдел долгосрочного кредитования. Пространство, лишенное теней и надежды. Люминесцентные лампы, вшитые в натяжной потолок, лили холодный, мертвенный свет, который не освещал, а выявлял. Он выхватывал бледность лиц, подчеркивал морщины

усталости, отсвечивал в потускневших пластиковых панелях. Воздух был густым коктейлем из запахов остывшего кофе, чистящего средства для стекол и человеческой апатии.

Алексей сидел в своей кабинке, отгороженный от таких же, как он, невысокими перегородками цвета «технический бежевый». Его мир сузился до экрана монитора, клавиатуры и стопки документов. Его пальцы, казалось, жили своей собственной, отдельной от мозга жизнью. Они порхали по клавишам, отстукивая бесконечную последовательность цифр, кодов, номеров счетов. *Стук-скр-скр-стук. Enter. Стук-стук-скр-скр. Enter.* Звук сливался с таким же мертвенным стуком из соседних кабинок, создавая механическую симфонию бессмысленности.

Он проверял анкеты. Одна за другой. Люди просили деньги на машины, на ремонты, на образование детей. Он видел их жизни, разложенные на цифры ежемесячных платежей, коэффициенты кредитоспособности, справки о доходах. Мечты, превращенные в сухие строки в таблице Excel. Он был не человеком, а фильтром, маленьким винтиком в огромной машине, перемалывающей человеческие надежды в статистику.

Рутина действовала как мощный наркотик. Острый страх отступил, придавленный тяжелыми пластами монотонии. Не было места для паранойи, когда каждый нерв, каждая синапса была занята обработкой цифр. Но на смену страху пришло нечто иное, более глубинное и разъедающее – экзистенциальная тоска. Она поднималась из самого желудка, холодная и тяжелая, с каждым щелчком мыши, с каждым новым документом.

Он украдкой смотрел на коллег. Маргарита Петровна, женщина за пятьдесят, чье лицо за decades работы застыло в маске вечной, легкой обиды. Она пила чай с лимоном ровно в 11:00 и 15:30, ее движения были выверены до автоматизма. Молодой парень, Дмитрий, амбициозный и пустой, чьи глаза горели лишь когда речь заходила о премиях и карьерном росте. Он был идеальным продуктом Системы – без рефлексий, без лишних вопросов.

Все они были шестеренками. И он сам был шестеренкой.

Обеденный перерыв в столовой с пластиковой мебелью и запахом тушеной капусты. Разговоры о курсе доллара, о новых корпоративных правилах, о начальнике-самодуре. Алексей молча ковырял вилкой в безвкусной пасте. Он смотрел на рот коллеги, говоривший что-то о футболе, и видел лишь движение мышц, издающих ожидаемые, социально одобренные звуки. Они все играли роли. Играли так долго, что уже забыли, где заканчивается роль и начинается они сами.

Он вернулся к своему столу. Его пальцы вновь легли на клавиши. *Стук-скр-скр-стук. Enter.* Мозг отключился, тело работало. Это было почти медитативно. В этом оцепенении не было боли, не было страха. Была лишь бескрайняя, всепоглощающая пустота. Тоска по тому супу, который он когда-то сварил на маленькой кухне. По тому ощущению, что ты не обрабатываешь жизнь, а живешь ее.

К концу дня он был полностью опустошен. Мысли о «Красном Круге», о письме, о возможной слежке казались сейчас чем-то далеким, почти нереальным, призрачными видениями из другой, более яркой, но и более опасной жизни. Рутина была безопасна. Она была предсказуемой тюрьмой, где стены были из бархата, а цепи – из привычки.

Взяв пальто, он вышел в коридор. Лифт, наполненный безликими фигурами в таких же пальто, плавно понес их вниз, к выходу. Алексей стоял, глядя в затылок впереди стоящего человека, и чувствовал, как апатия обволакивает его плотным, не пропускающим свет коконом. Быть винтиком было так легко. Так спокойно. И так беспросветно.

Глава 4

Вечер ввалился в квартиру вместе с сырым мраком, Алексей замер на пороге, пальцы сжимая обыкновенный белый конверт без марки, без обратного адреса, без чего бы то ни было.

Его нашли в почтовом ящике, втиснутым между рекламой мебельного гипермаркета и квитанцией за коммуналку. Холодный ужас, острый и безошибочный, как удар иглой под ноготь, пронзил апатичную оболочку, в которую он закутывался все эти дни.

Он захлопнул дверь, щелкнул замком – один, второй – и прислонился к прохладной деревянной поверхности, словно пытаясь отгородиться от всего внешнего мира. Квартира поглощала тишину, делая ее громкой, звенящей. И сквозь эту тишину пробивался настойчивый, мерзкий стук дождя по подоконнику. Не успокаивающий шепот, а монотонное постукивание, будто кто-то перебирал костяшки пальцев по стеклу.

Алексей медленно прошел в комнату, не включая света. Сел за кухонный стол. Положил перед собой конверт. Его пальцы дрожали, когда он разорвал край. Внутри лежал один-единственный лист бумаги. Ни приветствия, ни подписи. Только ровные, безжизненные ряды нулей и единиц.

01001101 01100001 01111001 00100000 00110001 00110011

Холод сжал его внутренности. Это не было игрой воображения. Это был факт. Осязаемый, бумажный, смертельно опасный. Его первым порывом было сжечь листок, смять и выбросить в унитаз, сделать вид, что ничего не было. Но любопытство, темное, ползучее, оказалось сильнее страха. Оно шептало, что побег уже невозможен. Что тот, кто прислал это, уже знает о нем всё.

Он достал ноутбук. Гул вентилятора в тишине показался оглушительным. Открыл текстовый редактор. Его пальцы, еще несколько часов назад выстукивавшие бессмысленные цифры в банковской системе, теперь с болезненной, почти истеричной настойчивостью принялись переводить код. Ноль. Единица. Ноль. Ноль. Каждый щелчок клавиши отдавался в висках пульсирующей болью.

01001101 -> M
01100001 -> a
01111001 -> y
00100000 -> [пробел]
00110001 -> 1
00110011 -> 3

«May 13». 13 мая.

Он откинулся на спинку стула, вглядываясь в эти два слова на экране. Они ничего ему не говорили. Ничего. Абстрактная дата в будущем. Или в прошлом? Мысль ударила, как ток. Он закрыл глаза, пытаясь пробиться сквозь плотную завесу лет

И память, коварная и избирательная, выдала ему не факт, а ощущение.

Летний лагерь «Рассвет». Запах хвои и нагретой солнцем древесины бараков. Ему одиннадцать. Рядом с ним – он, Серега. Его лучший друг, его альтер эго, брат по духу, с которым они делились всем. Их дружба тогда казалась нерушимой, выкованной из смеха, ночных шепотов и взаимных клятв. И был день. Тот самый день. 13 мая. Последний день перед их отъездом из лагеря? Или день, когда что-то случилось?

Он напрягся, пытаясь вытащить из тумана конкретику. Всплыли обрывки: беготня между бараками, смех, вкус подгоревшей на костре картошки. И.… что-то еще. Что-то важное. Темное пятно на ярком полотне воспоминания. Ссора? Испуг? Тайна, которую они поклялись никогда никому не рассказывать? Он видел лицо Сереги – не такое беззаботное, каким оно было обычно, а сосредоточенное, испуганное, но и решительное. Он слышал свой собственный голос, говорящий: «Никто не узнает. Никогда».

Но что они сделали? Что скрыли? Память, как предатель, отказывалась выдавать суть. Она подсовывала лишь эмоциональный след – липкий, тревожный комок в груди, который он все эти годы носил в себе, не понимая его происхождения.

Алексей открыл глаза и уставился на экран. «May 13».

Теперь это была не просто дата. Это был ключ. К его прошлому. К его другу, с которым они не виделись годы и который, как он смутно слышал, теперь был где-то наверху, успешный и важный, часть Системы. К «Красному Кругу», который явно знал о нем больше, чем он сам.

Холодный ужас и жгучее любопытство сплелись в нем в тугой, болезненный узел. Он сидел один в своей клетке-квартире, под аккомпанемент дождя, и понимал, что его прошлое, которое он считал похороненным, только что постучалось к нему в дверь. И оно пришло не с просьбой, а с требованием.

Глава 5

Вечер начался с привычного ритуала, пахнущего пивом и ностальгией. Алексей накрыл на кухне – банки с темным элем, пачка соленых сухариков, на тарелке нарезанная колбаса, купленная по дороге домой. Он нуждался в этом – в чем-то нормальном, земном, что могло бы стать якорем в подступившей безумию реальности.

Максим пришел с дождевыми каплями на кожаной куртке и с привычной, чуть усталой ухмылкой на лице. Он был антиподом Алексея – плотнее телом, тверже взглядом, с той внутренней осанкой человека, который если и плывет по течению, то делает это на своем собственном, прочном плотике.

– Ну что, философ, опять насупился? – бросил он, вешая куртку на спинку стула. – Банк снова душит отчетностью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.